

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 31

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1890–1900 гг.

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М
31

ОБЪЕМНЫЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА—1954

«ТОЛСТОЙ ВЕРХОМ»

Скульптура П. Трубецкого

[К ИТАЛЬЯНЦАМ]

¹ Случилось ужасное событие, взволновавшее не только Италию, но и всю Европу. Что же случилось? Случилось то, что в Абиссинии убито и ранено несколько тысяч молодых людей и потрачено несколько миллионов денег, выжатых ² из голодного, нищенского народа. Случилось еще то, что итальянское правительство потерпело поражение и унижение. Но ведь если это случилось, то случилось только то, к чему в продолжение десятилетий готовилась Италия, к чему теперь, не переставая, в продолжение 20 лет готовится вся Европа и Америка.

Ведь если готовятся войска, то только для того, чтобы сражаться и быть убиваемыми, всё равно побеждать или быть побежденными (таких еще не было сражений самых победоносных, в которых не убивали бы и победителей).

Ведь если срубленное дерево переделано в дрова, то только затем, чтобы сжечь их. Точно так же, если есть люди, отнятые от производительного труда и переделанные на солдат, то только затем, чтобы быть искалеченными или убитыми. Если же убитые и искалеченные люди в Абиссинии не принесли теперь итальянскому правительству славы, (а только позор), то это случайность, которая может измениться и всегда изменяется. Войны наполеоновские 5, 7 года принесли ему славу, войны 12, 13, 15 года принесли позор. Войны Пруссии 7-го года принесли позор, 70 года — славу. Если есть войска, то они или

---

¹ Отмечено чертою с пометою «пр[опустить]» следующее начало статьи:

Братья итальянцы!

Вы всегда шли впереди народов Европы. И теперь судьба открывает вам путь на переднее место. Совершившееся в Абиссинии событие имеет огромное значение. Оно может, оно должно служить поворотным пунктом в истории христианских народов. Дело в вас. От вас зависит то, чтобы это событие не было бы, как оно представляется теперь, не только несчастьем для Италии, но чтобы оно было благодеяньем и для Италии и для всех христианских народов. Ведь что случилось?

² В рукописи: выжатого

побеждают, или побеждены, и победы и поражения чередуются, и в обоих случаях люди убиваются и калечатся.

Так что в том, что произошло в Абиссинии, не только нет ничего неожиданного, но случилось то самое, что должно было случиться, что должно будет нынче, завтра случиться опять с Италией, с Францией, с Россией, с Англией, со всеми государствами, имеющими войска и воспитывающими патриотизм в своих народах.

Вопрос только в том, проснутся ли народы от того одурения, в котором их держат правительства, и сумеют ли они сделать неизбежные и явные выводы из тех положений, в которых¹ они находятся, и поймут ли наконец, что если они соглашаются платить подати, которые обращаются на военные приготовления и содержание войск, если они нанимают людей в солдаты и сами идут, отдают своих сыновей в военную службу, то неизбежно будет всё большее и большее² разорение (потому что соседние народы также вооружаются и надо равняться с ними) и еще неизбежнее будут войны, на которых (будет ли государство победителем или побежденным) всё равно будут убивать и калечить людей, и что для того, чтобы этого не было, надо самое простое: первое — не участвовать в военных приготовлениях, не давать денег правительству, а, главное, самим не идти в военную службу и уходить, уходить со службы тем, которые находятся в ней. Вывод этот так ясен, несомненен, что люди неизбежно должны прийти к нему и приходят к нему, но, к сожалению, не по разуму, а по необходимости и не предупредая зло, как свойственно поступать разумным существам, а по нужде, необходимости и инстинкту. Ведь гораздо проще и разумнее бы было тем плательщикам податей, которые теперь отказываются платить еще потому, что им нечего дать, не давать податей на военные приготовления, когда еще у них было что дать, и главное гораздо разумнее и лучше для всех и для них самих бы было тем солдатам, которые отказались повиноваться на поле сражения, отказаться повиноваться тогда, когда их тащили в солдаты.

Неужели и теперь нужно дожидаться того, чтобы какой-нибудь Криспи, Баратьери для каких-то своих дрянных расчетов опять обобрали бы народ деньгами, собрали, разрастая его цвет молодежи, в казармы и опять послали бы его для каких-то своих туманных соображений гибнуть где-нибудь в Абиссинии или, что ужаснее всего, вести прямо братоубийственную войну с французами, немцами, англичанами, русскими.

Неужели никогда не опомнятся народы от того ужасного обмана, в котором их поддерживают для своих выгод прави-

---

¹ В рукописи: которм

² В рукописи: большое и большое.

тельства и правящие классы? Неужели нужны еще ужасные братоубийственные войны, к которым готовят теперь правительства и правящие классы все европейские и американские народы? Ведь придет же время, и очень скоро, когда после ужасных бедствий и кровопролитий, изнуренные, искалеченные, измученные народы скажут своим правителям: да убирайтесь вы к дьяволу или к богу, к тому, от кого вы при[ш]ли, и сами наряжайтесь в свои дурацкие мундиры, деритесь, взрывайте друг друга, как хотите, и делите на карте Европу и Азию, Африку и Америку, но оставьте нас, тех, которые работали на этой земле и кормили вас, в покое. Нам совершенно всё равно, какой мы будем считаться — большой или малой или никакой державой. Нам важно то, чтобы беспрепятственно пользоваться плодами своих трудов; еще важнее обмениваться плодами этих трудов с дружественными, того же самого желающими, другими народами и, важнее всего на свете, подвигаться в одинаковом, соединяющем всех нас просвещении, а не коснеть в том диком патриотическом сепаратизме — незнании других народов и ненависти к ним, в которой нас стараются удержать правительства. Нам важнее разрешение вопросов труда, освобождения его от рабства, вопросов¹ уничтожения земельной собственности, которой лишены 99/100 наших братьев; нам важны вопросы установления каких-нибудь обязательных, понятных для всех нравственных основ, вместо той нашей нелепых церковных догматов, христианских мечтаний и прямо противоречащих им и поддерживающих антихристианские принципы гражданских и уголовных законов.

Ведь рано или поздно и во всяком случае скоро придется настоящему народу, несущему всю тяжесть труда приготовления к войне и самую войну, сказать это. Но придется сказать это после ужаснейших бедствий, которые готовят нам правители и на приготовление которых мы смотрим так равнодушно. Если мы увидим, что человек на улице роет яму и наполняет ее динамитом, мы приходим в ужас и хватаем и судим этого человека, тогда как самое ужасное, что мог сделать этот человек, это то, чтобы убить десятка два людей и разрушить несколько домов. А на наших глазах эти <безбожные, несчастные> ошалелые люди, наряженные в мундиры и ленты, называемые монархами и министрами, делают парады, смотры, маневры, заставляя приготовленных для этого людей стрелять, колоть воображенных неприятелей, награждая тех, которые лучше это делают, которые придумывают более жестокие средства убийств, и заставляют колоть, стрелять этих же воображаемых неприятелей. Что же мы этих людей оставляем в покое, а не бросаемся на них и не рассаживаем² их по смирительным заведениям?

¹ В рукописи: вопросам

² Зачеркнуто: всех этих императоров, королей, министров, генералов

Ведь разве не очевидно, что они задумывают и готовят самое ужасное злодеяние и что если мы не остановим их теперь, злодеяние совершится не нынче, так завтра. Тем более, когда мы знаем, что за границей этого государства совершаются точно такие же приготовления к убийству и поощрения его. Но нет, мы не только не хватаем этих разбойников или сумашедших, но мы бегаем за ними и кричим «ура» и очень рады, когда нас приглашают участвовать в этих очевидных покушениях на ужасные преступления.

Что ж, может быть есть какие-нибудь такие причины, по которым бессмысленная эта трата сил и жестокость и развращение людей не могут быть прекращены?

Причин таких нет никаких, и все выставляемые причины так очевидно ложны, что нельзя серьезно рассуждать о них.¹ Сделайте только сознательно то, что бессознательно сделали те солдаты и офицеры, которые бежали с поля сражения (стыдно ведь не бежать с поля сражения и идти на него, идти в солдаты, поступать в самое ужасное рабство, военное).

Не давайте денег на военные приготовления, не поступайте в военную службу, уйдите с нее, пока [?] в ней находитесь. Это ведь так просто и легко. Правда, что дело обставлено такими сложными и хитрыми обманами, что многие бессознательно попадают в них. Но обманы теперь уже слишком прозрачны и пора освободиться от них.

Обманов этих много и самых разнообразных: первый, самый употребительный, древний обман — религиозный: людей уверяют, что приготовлений к войне, войны хочет бог и благословляет войны, победы, и духовенство всех народов поощряет² войну, благословляет ее, приводит к присяге солдат на евангелии, на том самом евангелии, которое велит любить и подставлять щеку. Но теперь, слава богу, особенно в Италии, народ уже не верит в это.

Другой обман — это (страшный) обман патриотизма! Людей с детства уверяют, что самая лучшая, самая высокая, самая благородная, даже самая могущественная нация — это итальянская, французская, германская, австрийская, английская, русская. Обман этот до такой степени глуп, когда взглянешь одновременно на проповедь восхваления превыше всех других народов двух или нескольких народов, что можно только удивляться, каким образом люди попадают на него. Объяснение этого только в том, что внушается это с самого раннего детства и при условиях, когда люди бывают наиболее способны к гипнотизации, т. е. в толпе.

---

¹ Далее в рукописи следует текст, который автором, очевидно, не был зачеркнут по недосмотру: Одна самая обыкновенно выставляемая причина состоит в том

² В рукописи: поощряют

Третий обман — да их ужасно много — в том, чтобы внушать людям, что им грозят величайшие опасности от соседних, имеющих коварные против них замыслы народов, тех самых народов, которым со стороны их правительств внушается то же самое по отношению других народов.

Четвертый обман, и самый в наше время распространенный, состоит в том, чтобы поставить людей в такое положение, чтобы существующее воинственное устройство, основанное на войске, было выгодно для них так, чтобы люди сами придумывали доводы в пользу существующего порядка. В этом обмане находится большинство всех людей, не живущих прямо работой, но пользующихся работой других людей.

И наконец пятый — самый страшный обман, тот самый, который выдуман и поддерживаем этими самими, находящими свою выгоду в существующем порядке вещей, состоит в том, чтобы, признавая неправильность, жестокость, бессмысленность существующего порядка вещей, предлагать всякие отдаленнейшие способы уничтожения этого зла, кроме первого и самого простейшего, состоящего в том, чтобы не участвовать в том, что считаешь злом, — не давать деньги на войну, если считаешь ее злом, не участвовать в организации войска, не служить в нем. Люди эти не только не признают этого самого естественного и простого способа избавления от зла, но считают такой образ действий вредным, неправильной затратой энергии. И, чувствуя, что такой образ действий, будучи один разумным, обличает их обман, всегда очень возмущаются и сердятся на тех, которые указывают другим на такой образ действий, и на тех, которые поступают так. — Этого совсем не нужно делать, — говорят они, не нужно того, что всё чаще и чаще делают отдельные люди в России и других государствах, отказывающиеся[?] от службы и погибающие[?] за свои убеждения, то, что делают теперь в России сотни духоборов, томящихся в тюрьмах и дисциплинарных батальонах, и так, как поступают ежегодно сотни назаренов в Австрии, сидящие по 10 лет в тюрьмах, но не идущие служить, т. е. делать то, что они считают злом. — Это не нужно делать, это само достигнется разговорами, газетами, книгами, брошюрами, театральными представлениями, — говорят эти обманщики, забывая то, что власть в руках правительства, и правительства допускают разговоры, газеты, книги, театральные представления, которые не могут повредить ему, всё же то, что может нарушить существующий порядок, правительства, имея власть, не допускают, допускают только то, что для них безвредно, и допускают весьма охотно, зная, что разговоры, газеты, театральные представления *donnent le change*¹ людям, занимающимся этим делом. Эти люди, занимаясь этим безвредным для правительств делом, наивно воображают себе, что они

---

¹ [помогают обманывать]

борются со злом, и этим своим заблуждением становясь не только безвредны для правительства, но часто и помощник[ом] его. Правительства никогда не ошибаются в том, что для них вредно, не ошибаются, как не ошибается животное, защищая свою жизнь. Что вредно, они тотчас же прекращают штрафом, судом, высылкой, казнью, а что безвредно, они тому покровительствуют, зная, что ничто тверже не обеспечивается нашим правительством, как либеральная болтовня в палатах, газетах и собраниях. Вот от этих-то всех обманов надо освободиться и прямо взглянуть правде в лицо и, поняв правду, поступить согласно с нею. Но если итальянцы поступят так, то Италия не будет великая держава. — Да, Италия не будет более великая держава, если большинство итальянцев откажется от военной службы. Но дело в том, что задача человечества состоит теперь не в том, чтобы образовать великие державы, а в том, чтобы уничтожить великие державы, те самые, от которых происходят все бедствия народов, а соединить все народы в одну семью без разделения на державы и вражды, вытекающей из такого деления. Если итальянцы, большинство, сделают теперь то, что сделали... ¹ февр[аля] солдаты в Абиссинии, т. е. откажутся повиноваться и уйдут из армии, то, правда, что итальянцы перестанут быть великой державой, но станут великим народом, стоящим, как они всегда стояли, впереди цивилизации. Сама судьба призывает теперь итальянцев к тому, чтобы сделать первый шаг на ту высшую ступень цивилизации, перед которой вот уже сколько веков топчутся христианские народы, не решаясь подняться на нее.

---

¹ Так в подлиннике.

КОММЕНТАРИИ

«[К ИТАЛЬЯНЦАМ]»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Статья Толстого «К итальянцам» была откликом на войну Италии с Абиссинией в 1895—1896 гг. Эта захватническая война, затеянная итальянским правительством Криспи против Абиссинии с целью расширения своих колониальных владений в Африке, окончилась поражением итальянских войск. 1 марта 1896 г. негус под Адуа разгромил итальянскую армию, руководимую генералом Баратьери. Оставшиеся в живых итальянские солдаты и офицеры в панике бежали с поля сражения. Катастрофа, постигшая итальянскую армию под Адуа, послужила причиной падения правительства Криспи и отказа Италии на многие годы от своих захватнических планов по отношению к Абиссинии.

Вскоре после разгрома итальянских войск в Абиссинии, 6 марта, Толстой записал в Дневник: «...начал и бросил письмо итальянцам» (т. 53, стр. 83). Эта запись является единственным свидетельством о работе Толстого над публикуемой статьей, оставшейся незаконченной и при жизни автора ненапечатанной.

Выдержки из письма «К итальянцам» впервые напечатаны в газетной статье: «Лев Толстой об итало-абиссинской войне 1894—1896 гг.» («Известия ЦИК СССР», № 232 от 4 октября 1935 г.).

В настоящем издании статья печатается по автографу — 8 лл. 4^о, заключенных в обложку с надписью чернилами рукой С. А. Толстой: «К итальянцам» и ее пометой: «Переписано». Сохранилась копия с автографа рукой А. П. Иванова (с ошибками), которая Толстым не исправлялась.